

ГОТОВНОСТЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РФ И КНР К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

READINESS OF THE MANPOWER OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA FOR TECHNOLOGICAL MODERNIZATION

В статье в контексте происходящих демографических и социально-экономических изменений рассмотрены факторы, способствующие или препятствующие подготовке кадров, необходимых для реализации стратегии технологической модернизации в России и КНР.

Ключевые слова: современные рабочие места, качество подготовки, интернационализация образования, модернизация, инновации, высокие технологии.

The article analyses the factors that could promote or prevent to form the necessary level of professional labours' skills and ability for technologic modernization in Russia and China.

Keywords: modern workplaces, quality of preparation, education internationalization, modernization, innovations, high technologies

В ноябре 2013 г. премьер РФ Дмитрий Медведев представил проект модернизации России на ближайшие 5 лет. По прогнозам российского правительства, производительность труда должна вырасти на 50% за счёт создания к 2020 г. не менее 25 млн современных рабочих мест. Реалистичность данного сценария вызывает сомнения у ряда российских экспертов. По подсчётам Минэкономразвития, для создания одного современного рабочего места потребуется не менее 100 ам. долл. или в общей сложности более 25 трлн ам.долл. По данным того же министерства, в 2013 г. промышленный спад составил в обрабатывающем секторе 0,6%, в производстве легковых автомобилей – 2,3%, прокате черных металлов – 2,6% [1, с. 1; 4]. Таким образом, непонятно, откуда появятся средства на модернизацию рабочих мест.

В условиях, когда российский бюджет на 60% формируется нефтегазовой добычей, неизбежным следствием становится не только деформация экономики, но и человеческого капитала. По определению профессора Кембриджского университета А. Эткинды, различия между стоимостью, порождённой трудом, и стоимостью, выкачанной из земли, состоят в том, что первая из них умножает человеческий капитал;

вторая не зависит от человеческого капитала и его обесценивает [2]. В современной России до сих пор нет общенациональных приоритетов, которые могли бы объединить россиян, как нет и общественного консенсуса по вопросам будущего страны. Что предпочитает современное российское общество: развитие, влекущее за собой изменения, или стабилизацию, гарантирующую спокойствие? В научной и публицистической литературе можно прочесть множество компетентных, и зачастую взаимоисключающих, суждений, из которых хотелось бы выделить две точки зрения, которые в наибольшей степени согласуются с позицией автора.

Основными препятствиями для полноценной модернизации в России проф. ИВАН РАН Э.С. Кульпин считает инфантилизм россиян, традиционно привыкших делегировать свои полномочия властной элите; отсутствие понимания в нашем обществе того, какой в принципе возможна и должна быть модернизация: догоняющей или опережающей; искусственные барьеры на пути развития частного малого и среднего бизнеса [3, с. 8–12]. По мнению проф. МГУ А. Аузана, Россия уже миновала ту развилку, на которой была возможна модернизация, заменив сначала ценность свободы на ценность стабильности, а затем избрав государство в качестве ценности, не подлежащей пересмотру [4].

¹ Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана факультета педагогического образования МГУ имени М.В. Ломоносова.

Под влиянием ближневосточного и украинского кризисов меняется геополитическая ситуация. Запад и Россия обмениваются политическими и экономическими санкциями, которые могут иметь для нашей страны двойные последствия: вывести российское общество из сонного состояния и дать толчок ускоренному технологическому обновлению или вызвать дальнейший раскол общества. Российское руководство активизировало усилия по модернизации оборонной промышленности. По всей видимости, предполагается использовать опыт СССР, когда интеллектуальный потенциал страны был нацелен на обеспечение высокой боеготовности, а инновации в «мирную экономику» попадали через военную сферу¹. Одним из косвенных подтверждений тому может служить государственное решение выделить с 2014/15 уч. года дополнительные средства тем вузам, которые готовы совместно с оборонными предприятиями осуществлять «адресную» подготовку специалистов [6]. Но наращиванием боеготовности нельзя решить проблемы системного технологического отставания. Необходимость замещения импортного оборудования отечественным является важным условием возникновения экономического заказа на инновационные разработки, а это в свою очередь должно дать шанс развитию производства и науки. Однако для осуществления в короткие сроки своими силами масштабного технического перевооружения стране может не хватить ресурсов, как материальных, так и человеческих.

В 2010 г. государственные и частные расходы на науку в расчёте на одного исследователя в США, Китае и РФ составляли соответственно 293 000, 74 000 и 39 000 ам. долл. [7]. В федеральном бюджете на 2014–2016 гг. государственное финансирование здравоохранения и образования сокращено, что неизбежно приведёт к ухудшению качества человеческого капитала. Одним словом, чтобы шанс превратился в реальность, нужна последовательная и бескомпромиссная государственная политика поддержки развития отечественного научно-промышленного комплекса.

Как свидетельствует мировая история, ограниченность инвестиций – не единственная, хотя и значимая, причина неудач преобразований. Для реализации курса модернизации нужны подго-

¹ О том, как в своё время создание атомной бомбы послужило основой для развития фундаментальных исследований в области радиационной медицины, лазерной и вычислительной техники, компетентно рассказывает профессор М. Ковальчук в своих лекциях в программе «Академия» на канале «Культура» [5].

товленные кадры и настроенность общества на перемены. Первый аспект связан с демографической ситуацией и способностью образования отвечать на поставленные вызовы. Второй – с консолидацией общества на принятие и достижение поставленных целей. Индикаторами готовности к переменам могут служить не только статистические данные, но и настроения граждан. По данным известного экономиста Вл. Иноземцева, почти 2 млн россиян постоянно обитают за границей, а 3,5 млн россиян получили вид на жительство в странах ЕС [8, с. 3]. Опросы в российских вузах показывают, что 45% выпускников не исключают возможности уехать, а 18–24% твёрдо намерены покинуть страну [9, с. 3]. Массовое бегство из России трудоспособных молодых людей с высоким уровнем образования связано не только с их желанием найти высокооплачиваемую работу за рубежом, но и неудовлетворённостью жизнью в России, неверием в возможность реализации своих надежд и отсутствием чувства личной безопасности.

Становятся безлюдными огромные территории России. В то время как жители Дальнего Востока активно обживают Китай и другие страны ЮВА, дефицит рабочих рук в этом богатом природными ресурсами регионе «помогают» решать граждане сопредельных стран – Китая и Северной Кореи. Они заменили в сфере строительства, лесном секторе, сельском хозяйстве местных работников, которые предпочли менее трудозатратные и более доходные сферы деятельности.

Дальний Восток – не единственный регион, где нормой стало привлечение чужих граждан для выполнения тяжёлой физической работы. С 2005 г. РФ занимает второе место в мире по количеству мигрантов [10]. Нехватка рабочей силы восполняется за счёт трудовых мигрантов, главным образом, из стран Центральной Азии. Однако, в отличие от Европы и США, Россия остаётся малопривлекательной страной для иностранных работников из-за высокого уровня ксенофобии, тяжёлых условий труда, низкой оплаты, правовой незащищённости. К нам едут в основном малообразованные люди, которые не способны восполнить дефицит квалифицированных рабочих кадров.

Численность экономически активного населения в современной России составляет 70–75 млн чел. Если не изменится геополитическая ситуация, к 2020 г. работоспособное население уменьшится ещё на 5,5 млн чел. [1, с. 4]. По некоторым оценкам, удельный вес квалифицированных рабочих в составе занятого населения

России уже сейчас в 9-10 раз ниже, чем в США и Западной Европе [12, с. 306]. Рост производительности труда сможет компенсировать в определённой мере сокращение численности рабочей силы. Но, как уже говорилось выше, нет ясности, на какие средства будут организованы новые рабочие места. Более того, непонятно, возникнет ли вообще массовая производственная потребность в высококвалифицированном труде. И способна ли российская система профессионального образования удовлетворить кадровые потребности высокотехнологичного производства, если в высшей школе уже не одно десятилетие снижается удельный вес инженерно-технического образования.

За годы перестройки в системе российского образования обозначились тенденции, идущие вразрез с экономическими потребностями страны. В структуре профессионального образования значительно вырос контингент студентов вузов и техникумов, а численность обучающихся в начальных профессиональных учебных заведениях упала. В начале 1990-х гг. 53% окончивших 9 класс (основную ступень общеобразовательной средней школы) учеников переходили в 10-й класс общеобразовательной школы, 29% шли в профессионально-технические училища (ПТУ), дающие начальную профессиональную подготовку, 14% – в средние специальные учебные заведения (техникумы, специализированные колледжи и педучилища). В 2010 г. контингент обучающихся в старшей общеобразовательной школе и техникумах вырос на 5% и 10%, в то время как ПТУ потеряли 11% учащихся [11]. Эти изменения обусловлены не только экономическими потребностями, но и потребительскими запросами. Современные россияне отдают предпочтение общему среднему образованию или выбирают техникумы, которые по международной классификации входят в сегмент высшего неакадемического образования.

В последние годы в нашей стране существенно росла заработная плата, однако престиж рабочих профессий продолжает падать. С 2001 г. план приёма на бюджетные места в вузы превысил численность выпускников общеобразовательных школ текущего года. Те выпускники средней школы, которые по своим знаниям и способностям должны были бы учиться в ПТУ, устремились в вузы. Стараясь привлечь максимальное число абитуриентов, многие ПТУ переориентировались с программ подготовки по рабочим профессиям на подготовку кадров для сферы сервиса. Поспешная смена профиля обучения без наличия необходимой материально-технической

и педагогической базы способствовала падению качества начальной профессиональной подготовки и дальнейшему углублению кризиса профессионального образования. По прогнозам Центра стратегических разработок, до 2025 г. в РФ дефицит специалистов со средним и начальным профобразованием составит 0,7 млн ч. На этом же уровне ожидается и перепроизводство специалистов с высшим образованием [13, с. 17].

Рост доходов населения привёл к стремительному расширению платного сегмента высшего образования. Если в 2000 г. 78% выпускников государственных и муниципальных вузов обучались на бюджетной основе, то в 2010 г. доля договорников превысила 60% всех российских студентов. Ещё одна возобладавшая тенденция, не поддающаяся однозначной оценке, это – рост численности студентов заочной формы обучения. Заочники составляют свыше половины нынешних российских студентов [14, с. 68]. Если раньше на вечернее и заочное обучение поступали, как правило, люди с трудовым стажем, то сейчас главным образом идут выпускники средних школ с низкими баллами.

Высшее образование стало превращаться в доходный бизнес, что привело к увеличению численности недоброкачественных вузов. Их заполнили студенты, которым нужны не профессиональные знания, а дипломы. В стране возник неподкреплённый экономическими запросами перекосяк в сторону подготовки кадров по управленческим и гуманитарно-социальным специальностям. Несмотря на перенасыщенность рынка труда, вузы продолжают расширять подготовку менеджеров, юристов, стилистов. По определению известного политолога М. Делягина, «система образования нацелена на подготовку не тех, кто нужен экономике, а тех, кого проще и выгоднее готовить. При отсутствии контроля за качеством, издержки минимизируются, а студенты получают возможность, не напрягаясь, «продлить детство» – вплоть до превращения в потерянное поколение» [15, с. 3]. Современные студенты в своей массе стали более инфантильными. Они требуют от общества больше, чем готовы отдать сами. Типичной становится ситуация, когда выпускники вузов занимают трудовые позиции ниже своего уровня образования не потому, что не могут найти соответствующую работу по специальности, а потому, что ищут «непыльную» работу в комфортной для себя неконкурентной среде. Такое отношение к работе является следствием произошедшей в 90-х гг. XX века депривации ценностных представлений о профессиональных знаниях, служебных обязанностях и дисциплине.

Тревожным показателем неблагополучного состояния высшего образования является неудовлетворённость качеством вузовской подготовки работодателей. Многие крупные предприятия предпочитают доучивать молодых специалистов в ходе работы, нежели инвестировать в целевую подготовку вузами специалистов для своих нужд. В условиях отсутствия конкретного заказа со стороны государства и работодателей на номенклатуру специальностей, количество и качество подготовки выпускников система высшего профессионального образования вынуждена ориентироваться на запросы семей и самих поступающих.

Результаты экспресс-опроса о степени соответствия отечественной высшей школы требованиям времени, проведённого в 2014 г. Фондом общественного мнения (ФОМ), свидетельствуют, что большая масса потребителей также не удовлетворена качеством подготовки. В опросе участвовали 709 представителей трёх заинтересованных групп: руководство вузов (ректоры, проректоры, деканы факультетов – 107 человек); руководители предприятий (100 респондентов); молодёжь в возрасте от 18 до 25 лет (502 человека). Среди опрошенных молодых людей 65% респондентов считают российское высшее образование современным и 32% – несовременным. Однако симптоматично, что среди давших позитивный ответ больше всего оказалось тех, кто не намерен учиться в вузах (76% при 16% разделяющих противоположное мнение), а менее всего тех, кто высшее образование уже получил (60% и 39% соответственно) [16].

Данные Росстата по структуре и численности подготовки студентов в государственных и муниципальных вузах в период с 2004 по 2010 г. свидетельствуют, что высшая школа не ориентирована ни на поддержку развития традиционных отраслей промышленности, ни на осуществление высокотехнологической модернизации. С 2005 по 2010 г. существенно снизился объем подготовки по точным и естественным наукам, что, вероятно, будет иметь негативные последствия для фундаментальных исследований. Снижение в структуре подготовки доли машиностроения, электро- и радиотехники, приборостроения свидетельствует о сворачивании инженерно-технического образования. Одновременно с сокращением подготовки по традиционным промышленным специальностям, сельскому и лесному хозяйству перестали расти масштабы подготовки по группам специальностей, которые обеспечивают развитие современных высоких технологий, в том числе по

авиационной и ракетно-космической технике; автоматике и управлению; химической и биотехнологии, опто- и электронной технике, связи [14, с. 90–112].

Небольшой прирост наблюдался по тем направлениям, которые обеспечивают качество жизни людей и освоение природных ресурсов. Это – культура и искусство; архитектура и строительство; безопасность жизнедеятельности, природоустройство и защита окружающей среды; геодезия и землеустройство; геология, разведка и разработка полезных ископаемых; информационная безопасность; транспортные средства; сфера обслуживания; здравоохранение [14, с. 90–112]. Популярность указанных профессий отражает запросы потребительского общества не только в России, но и в других развитых странах мира, что позволяет говорить о проявлении в данном случае глобальных трендов. Но, в отличие от развитых стран, в России остаётся недооценённым и низкооплачиваемым труд учителей, врачей, учёных, работников сферы культуры, то есть тех, кто формирует и поддерживает духовные ценности. Такое положение демотивирует выпускников вузов заниматься интеллектуальным трудом.

Российский бизнес предпочитает использовать дешёвый труд бесправных мигрантов, нежели повышать производительность труда посредством внедрения технологических инноваций и повышения качества человеческого капитала. В результате Россия, хотя и входит в число наиболее развитых стран мира по индексу достигнутого уровня образования населения, по показателю вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства относится к 15% наименее успешных стран [17, с. 26]. По производству добавленной стоимости на одного занятого Россия отстает от США в 5,9 раза, от Японии – в 4,3 раза [18, с. 54].

Устранение негативных тенденций в экономике невозможно без радикальной модернизации структуры и содержания образования. В модернизационном сценарии развития РФ системе высшего образования отводится особая роль: обеспечить кадровое сопровождение инновационного процесса и сформировать инновационную инфраструктуру для трансфера полученных научных результатов в экономику. В первом десятилетии XXI века участие вузов в инновационном процессе было весьма скромным, что можно объяснить недофинансированием. Доля расходов на вузовскую науку из общего объёма государственных расходов на исследования и разработки составила в 2008 г. всего лишь 6,5%. Затраты

бизнеса на проводимые в вузах прикладные исследования составили 6,7% от общих расходов предпринимательского сектора на исследования и разработки. Нехватка средств отразилась на материально-технической оснащённости научного процесса. Доля площадей, используемых вузами под лаборатории и научные подразделения, с 2001 по 2008 г. сократилась с 2,3 до 1,5% [14, с. 20]. Исследовательская деятельность при большой педагогической нагрузке и низкой материальной заинтересованности для многих преподавателей превратилась в хобби.

Наряду с финансовыми причинами существовали и другие факторы, сдерживающие развитие вузовской науки. Они связаны со сложившейся в СССР практикой распределения функций между вузами и НИИ, входящими в систему Академии наук или ведомств. Лишь в элитных университетах была налажена системная научная работа. Но и в этом случае университетские учёные занимались главным образом фундаментальной наукой и не были озабочены проблемой внедрения своих открытий в производство. Сейчас перед российскими университетами поставлена задача создания бизнес-инкубаторов, технопарков, инновационно-технологических и инжиниринговых центров. Для этого нужны практический опыт, умелый менеджмент, прозрачная нормативно-юридическая база, навыки легализации и коммерциализации интеллектуальной собственности.

Формирование культуры и инфраструктуры вузовской предпринимательской деятельности потребует немало времени, усилий и средств. Сравнительно быстрого эффекта можно достигнуть лишь путём концентрации ресурсов в тех университетах, где созданы научные традиции и школы, лаборатории и коллективы исследователей. На их поддержку направлены в настоящее время усилия государства и бюджетные инвестиции. В результате конкурсного отбора в 2006 г. 57 вузов страны получили статус инновационных. В 2007 г. российское правительство приняло решение об учреждении 29 федеральных и национальных исследовательских университетов, в 2014 г. к ним добавился Крымский федеральный университет. Эти вузы призваны стать драйверами инновационной экономики в системе высшего профессионального образования, интеллектуальными центрами развития национальных и региональных программ социально-экономического развития.

Следующим шагом на пути повышения конкурентоспособности российских вузов стала принятая Правительством России в 2012 г.

«Программа 5–100», цель которой – обеспечить материально-кадровые условия для вхождения к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню мировых университетов. Конкурсным отбором были определены 15 ведущих российских вузов, в развитие которых до 2016 г. планируется инвестировать 42 млрд рублей. В целом до 2020 г. из федерального бюджета на «Программу 5–100» будет выделено 96 млрд руб., что составит около 3 млрд ам. долл. Такой объем средств сопоставим с тем, что тратится на развитие вузов КНР и Германии [20].

Государственная программа финансирования федеральных и национальных исследовательских университетов позволит подготовить кадровую элиту для управления процессами национального и регионального, а в перспективе и глобального, инновационного развития. К сильным университетам будут присоединены мелкие и малоэффективные высшие и средние профессиональные учебные организации, чтобы на их основе создать многопрофильные научно-образовательные комплексы, способные поддерживать развитие территориально-отраслевых инновационных кластеров.

В стратегии развития высшего образования предусмотрены также меры по привлечению в российские вузы иностранных учащихся. Эта задача приобретает особую актуальность по ряду причин. Во-первых, наличие иностранных студентов и преподавателей повышает статус вуза в международных рейтингах. Во-вторых, из-за снижения доли молодежи соответствующей возрастной когорты численность российских студентов к 2020 г., по прогнозам экспертов, упадёт до 3–4,5 млн [14, с. 7, 297]. В-третьих, интернационализация образования, как показывают международные исследования, способствует распространению общечеловеческих ценностей и повышает инновационный потенциал обучающей среды. И, в-четвертых, из-за невысокой численности иностранных студентов и преподавателей российские вузы занимают в международных рейтингах места ниже их реального потенциала [21; 22].

В продвижении практики инновационного развития руководство страны делает ставку на лидеров российского высшего образования – МГУ, СПбГУ, РУДН, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Московский государственный технический университет (МГТУ) имени Баумана, Высшую школу экономики, ряд федеральных университетов. В 2009 г. российское правительство приняло Федеральный закон «О Московском государ-

ственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете». Закон предоставляет им большую автономию и права, но одновременно предусматривает и более высокие обязательства этих университетов перед государством.

Все вузы, выделенные в кластер опережающего развития, нацелены на повышение конкурентоспособности российской высшей школы, но идут к этому разными путями. Например, университет ВШЭ выбрал стратегию, в основе которой лежит проектная деятельность, выполнение конкретных заказов, моделирование различных вариантов решения задач «здесь и сейчас». Такой путь представляется наиболее эффективным на первом этапе становления нового университета, когда формируются собственные научные школы и коллективы. Значительная доля студентов ВШЭ в процессе учёбы приобретает предпринимательские навыки, принимая участие в выполнении проектно-исследовательских проектов. Закономерно, что 80% выпускников успешно реализуют себя в бизнесе. По ряду позиций, таких, как интернационализация образования, ВШЭ обгоняет другие ведущие вузы России.

В отличие от ВШЭ, МГУ и СПбГУ продолжают развивать традицию классического университетского обучения через фундаментальную науку. По замыслу ректора МГУ академика В.А. Садовниченко, современный классический университет должен представлять собой сбалансированный треугольник, состоящий из образовательного кампуса, научно-технологического парка и университетской клиники [24]. Сегодня МГУ сосредоточивает свой интеллектуальный, научно-исследовательский и производственный потенциал в глобальном инновационном комплексе, включающем все три указанных компонента. Объединив на одном пространстве кластеры фундаментальных и прикладных исследований в разных областях знания, МГУ сможет эффективнее использовать такие свои преимущества, как многопрофильность и многоспециальность.

В Программе развития МГУ до 2020 г. определено 10 основных направлений научных исследований. Это – стратегические информационные технологии, генетика, биомедицина, фармацевтика, когнитивные науки, экология, новые материалы и технологии «в масштабах от нано- до космоса». Указанные направления находятся на стыке фундаментальной и прикладной науки, входят в число научно-технологических приоритетов развития нашей страны и мира в целом, что позволяет МГУ позиционировать себя как мировой центр развития науки. Такие научные

проекты МГУ, как «Здоровье нации», «Природа разума», «Космос» имеют общечеловеческую ценность. Фундаментальная наука в МГУ развивается в русле мирового тренда синтеза получаемых в разных научных областях знаний для повышения качества жизни человека.

МГУ стремится сохранить статус эталона национального университета. Своей приоритетной задачей МГУ считает усиление национальной идентификации, воспитание у выпускников высоких гражданских и нравственных качеств. В то же время МГУ нацелен на превращение в ключевой международный образовательный центр, в котором гармонично будут сочетаться «подготовка мировой кадровой элиты, ориентированной на управление процессами глобального инновационного развития, а также реализация исследований, опережающих темпы мировой науки, на основе которых создаются уникальные технологии, обеспечивающие конкурентоспособность России на мировой арене» [24]. С 2011 г. МГУ и СПбГУ работают по самостоятельно разработанным образовательным стандартам, которые устанавливают более высокую, чем федеральные, планку качества обучения

В то же время нельзя не заметить, что в МГУ как в зеркале отражены наиболее типичные проблемы российского высшего образования. Это – старение профессорско-преподавательского состава; пренебрежение новыми методами и технологиями обучения; низкая степень интернационализации научной и учебной деятельности. Истоки большинства из указанных проблем уходят в 1990-е гг., когда из-за недофинансирования вузы вынуждены были бороться за выживание, отодвинув задачи развития на второй план. Но нельзя сбрасывать со счетов и груз традиций, порождающих завышенные самооценки. В последние годы МГУ активно изживает консервативность и учится на примере других более активному продвижению своего имиджа на мировом рынке образовательных услуг.

В 2014 г. МГУ занял 84 место в сотне лучших вузов мира по Шанхайскому академическому рейтингу. Помимо МГУ ещё 10 российских университетов смогли сохранить или улучшить свои позиции в рейтинге QS (QS University Subject Rankings) 2014¹. В том числе МГУ,

¹ Ежегодно QS оценивает около 3 тысяч университетов, выбирая из них лучшие по 6 основным критериям оценки: репутация в академической среде, цитируемость публикаций сотрудников вуза, соотношение числа преподавателей и студентов, отношение работодателей к выпускникам, а также относительная численность иностранных преподавателей и студентов [28].

СПбГУ, МГТУ имени Баумана, Новосибирский государственный университет заняли 114, 233, 322 и 328 места соответственно. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» пока остаётся в группе 501–550 [27; 28]. Российские вузы только учатся конкурировать как между собой, так с другими университетами мира.

Система высшего образования в России становится более диверсифицированной, открытой для общества. Учредителями вузов помимо государства становятся муниципальные, частные и общественные организации. Развитие негосударственного сектора высшего образования позволяет максимально учесть разнообразные потребности населения в образовательных услугах. И хотя в настоящее время из-за демографического спада, неравных условий материально-финансового обеспечения конкурентоспособность негосударственных вузов значительно ниже, чем у государственных, тем не менее, у них есть свои преимущества и перспективы роста, о чем свидетельствует опыт становления РосНОУ.

Приобретая все более массовый характер, высшее образование в России одновременно превращается во все менее профессионально ориентированную сферу социализации молодёжи. Диплом об окончании вуза часто приобретает большую ценность, чем профессиональные знания, а коммуникативные компетенции – большой вес, чем профессиональные навыки и умения. В России сфера профессионального образования слабо связана с бизнес-сообществом; практически разрушена служба профориентации школьников; не ведётся прогнозирование потребностей в новых специальностях; нет ясного представления, каково должно быть соотношение кадров высшего и среднего звена, сколько нужно вузов исследовательского и прикладного типа.

Похожие проблемы стоят и перед КНР, что свидетельствует об их универсальности для стран переходного типа и возможности объединения усилий по решению некоторых из них. И в Китае, и в России руководство осознает, что национальная экономика зайдёт в тупик, если будет двигаться по экстенсивному пути. Кризисные явления всё чаще проявляются в обеих странах в виде техногенных катастроф. «Отравленные реки, зловонный смог, смертельно больные люди – такова цена китайской индустриализации», – пишет о современном Китае иностранный исследователь [29, с. 88].

За 30 лет социально-экономических реформ в Китае произошло гигантское перераспреде-

ние трудовых ресурсов. Более 200 млн крестьян из-за нехватки пахотных земель были вытеснены из сельского хозяйства. «Уходя с земли», эти люди оставались приписанными к сельской местности и превращались в бесправных трудовых мигрантов. Они до сих пор лишены социальных благ, которыми пользуются горожане, в том числе – права лечиться в городских больницах и обучать детей в городских школах. Неограниченный приток в промышленность рабочих рук обусловил низкую себестоимость производимой китайскими предприятиями продукции, благодаря чему КНР завоевал мировой рынок потребительских товаров и получил гордое, хотя и несколько двусмысленное название крупнейшей «фабрики мира». Фактически, эта «фабрика» на 99% состоит из предприятий среднего, малого и сверхмалого типа [30, с. 31]. Они занимаются механической сборкой и штамповкой продукции по образцам, поставляемым заказчиками из-за рубежа. В 1980-е гг. в Китае производились в основном товары лёгкой, текстильной, пищевой промышленности. В 90-е гг. к этим традиционным видам экспортной продукции добавилась электроника и продукция машиностроения, однако и в этом промышленном сегменте китайские предприятия пока находятся, по признанию самих китайских аналитиков, в самом низу глобальной производственной цепочки. По подсчётам экспертов, в 2010 г. только 4 из 150 ам. долл. стоимости iPod создавались в Китае [31].

По определению известного экономиста, члена постоянного комитета ВСНП Гу Шэнцзу, положение среднего и особенно малого и сверхмалого бизнеса – индикатор уровня жизнестойкости экономики страны [30, с. 31]. При благоприятной экономической конъюнктуре малые предприятия довольствуются небольшим доходом, при ухудшении ситуации они становятся нерентабельными. Срок их жизнедеятельности в среднем составляет всего 3,7 года. Очевидно, что за такой короткий период хозяева не склонны вкладывать средства в техническое оснащение своего бизнеса и профессиональную подготовку работников. Нестабильность и риски внешней конъюнктуры усиливают на уровне коллективного бессознательного настрой китайцев на скорейшее извлечение прибыли и недоверие к инновациям. Г.Ф. Салтыков в статье «Традиции в современной китайской деревне (социально-психологические аспекты)» приводит пример типичного отношения китайцев к тем, кто идёт наперекор традиционным правилам жизни. Односельчане поучают молодого выпускника технического колледжа, который занялся изобре-

нием сельскохозяйственной техники: «За тысячи лет до такой машины никто не додумался, а ты вдруг построил... не надо уподобляться кошке, задумавшей поймать в небе лебедя. ...Если бы затраченное на изобретательство время и деньги ты использовал, как мы, то имел бы большой дом» [32, с. 92].

С 1978 до 2010 г., по подсчетам китайских ученых, почти 70% экономического роста страны было достигнуто за счёт качественного и количественного прироста рабочей силы [33, с. 12]. На наш взгляд, акцент следует поставить именно на количественном факторе. В китайской деревне труд был и остаётся слабомеханизированным. Крестьянам хватает производственного опыта и навыков, формируемых традиционными способами ведения хозяйства. Научные знания и новые технологии в деревне мало востребованы. Соответственно не растет потребность в профессионально подготовленных кадрах. Несмотря на предоставляемые льготы, сельская молодежь неохотно идет учиться в профессиональные колледжи. В 2005 г. 77% крестьян окончили начальную школу или среднюю школу низшей ступени (СШНС), а 16% были неграмотными [34, с. 70]. Профессиональные и общенаучные знания мало востребованы и в промышленном производстве. Как свидетельствуют данные обследования, в 2012 г. 60% работников средних и малых предприятий имели образование не выше уровня СШНС (т.е. обязательных 9 классов) [30, с. 32].

Уровень подготовки рабочей силы обусловлен потребностями производства, а последнее определяет потенциал будущего развития страны. Для большинства китайских тружеников среднее общее и высшее образование является избыточным, если исходить исключительно из нынешних запросов рынка труда. Почти треть бакалавров китайских вузов не может найти работу в течение первых трех месяцев после выпуска, что свидетельствует о несбалансированности спроса и предложения на рынке труда. Тем не менее, численность заканчивающих китайские вузы молодых людей выросла в 7 раз с начала XXI века. Означает ли беспрецедентное расширение масштабов среднего и высшего образования то, что китайское руководство заблаговременно осуществляет подготовку рабочей силы, соответствующую потребностям новой экономической модели, к реализации которой подошла страна? Действительно, в документах XVIII съезда КПК сформулирована задача «ускорять процесс формирования новой модели экономического развития, стимулировать развитие экономики на основе повышения качества

и эффективности» [35, с. 32–33]. Исчерпание потенциала демографического «дивиденда» сопровождается ростом стоимости рабочей силы, что привело к снижению конкурентоспособности экономики Китая. Некоторые иностранные компании, ранее успешно развивавшие бизнес в КНР, начали переводить свое производство в более дешёвые страны ЮВА. Необходимость сохранения окружающей среды и рост стоимости трудовой силы превращаются в два главных фактора, детерминирующих развитие Китая на ближайшее десятилетие. С учётом этих условий китайское руководство разрабатывает стратегию развития сервисной экономики с расширением доли высоких технологий. В XXI веке КНР от производства продукции с низкой себестоимостью начинает переходить к созданию высокотехнологичной электронной и информационной продукции. В 2010 г. высокотехнологичная продукция составила 31% в структуре экспортных товаров Китая [36, с. 8]. Очевидно, что для нынешнего развития инновационной сферы высокотехнологичного производства требуются совсем другие кадры, чем те, которые обеспечили экономический прорыв Китая на рубеже столетий.

Для современной России угрозой становится истощение человеческого ресурса, как в прямом смысле этого слова – из-за низкой рождаемости и высокой смертности, так и в переносном – из-за деинтеллектуализации общества. Логика самосохранения подсказывает, что российскому руководству также необходимо разработать реалистичный сценарий комплексного развития всех территорий страны исходя из трезвой оценки потенциала имеющихся естественно-природных и людских ресурсов. Соседство Дальнего Востока с Китаем создаёт объективные предпосылки для интенсификации экономического взаимодействия России и КНР в этом регионе. Однако положение, когда Дальний Восток функционирует как ворота, через которые природные ресурсы перетекают в промышленный Северо-Восточный Китай, не отвечает интересам российской стороны. Переход от традиционных экспортно-импортных отношений к реализации совместных инвестиционно-инновационных проектов по оживлению экономики обширного дальневосточного региона по обе стороны границы выгоден для обеих стран в долгосрочной перспективе, поскольку позволит создать мощный региональный экономический рынок, обладающий высокой конкурентоспособностью в АТР. В свою очередь, совместная инновационная деятельность даст импульс коопера-

ции вузов приграничных территорий в научной сфере и подготовке квалифицированных кадров для удовлетворения потребностей совместного рынка труда.

Литература

1. Макеев Н. Дмитрий Медведев открыл завод иллюзий // МК. – 2013. – 11 декабря. – С. 1; 4.
2. Эткин А. Петроначо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве // Неприкосновенный запас. – № 88 (2/2013). – <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/e16.html>
3. Кульпин Э.С. Феномен Крыма с позиций социоестественной истории // История и современность. – 2014. – № 1. – С. 3–16.
4. Аузан Александр. Национальные ценности и российская модернизация: пересчёт маршрута – <http://www.polit.ru/article/2008/10/22/auzan/>
5. http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/975101/brand_id/20898/
6. <http://itar-tass.com/obschestvo/1366595>
7. Евгений Примаков: Человеческий капитал выходит на первый план. – <http://www.rg.ru/2013/01/15/primakov.html> 15.01.2013
8. Иноземцев Вл. Русская антинародная сказка. Зачем нас пугают распадом России // МК. – 2013. – 17 декабря. – С. 3.
9. Иноземцев Вл. Как дела? Россию воруют! // МК. – 2011. – 05 октября. – С. 3.
10. «Осталось не больше года». – Поставнин о грядущем миграционном коллапсе. – <http://www.aif.ru/money/46895>
11. Современная молодёжь учится дольше. – <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/28853201>
12. Макаркин Н.П. Инновационное развитие экономики и модернизация профессионального образования // Об образовании. Евразийское пространство: к 20-летию Евразийской ассоциации университетов. – М.: Изд. Московского университета; МАКС Пресс, 2009. – 404 с. – (Серия «Евразийские университеты XXI века»). – С. 300–312.
13. Дмитриев М.Э. Долгосрочные вызовы на рынке труда в свете демографического кризиса // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Книга 1. – М.: Изд. дом ГУ Высшей школы экономики, 2010. – С. 11–21.
14. Беляков С.А., Клячко Т.Л. Российское высшее образование: модели и сценарии развития: монография. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХ и ГС, 2013. – 316 с.
15. Делягин М. Россия без рук // МК. – 2014. – 02 июня.
16. Мнения руководства вузов, работодателей и молодёжи о путях развития высшего образования. – <http://pedsovet.org/content/view/22157/251/> 23 мая 2014 г.
17. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. – М., 2010. – 91 с.
18. Жуков А.Д. Социальные вызовы на пути решения задачи сбережения нации // Сборник статей XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. – М.: Изд. дом ГУ Высшей школы экономики, 2011. – Том 1. – С. 49–56.
19. Приоритетный национальный проект «Образование». – <http://минобрнауки.рф>.
20. «Гуманитарные ценности отстают, как только появляются деньги». Зам. министра образования Александр Пovalко о первом годе с начала запуска программы повышения конкурентоспособности российских вузов – РИА Новости. – <http://ria.ru/society/20140627/1013900078.html#ixzz36bnYfXjo>
21. Барбер М., Донелли К, Ризви С. Океаны инноваций. Атлантический океан, Тихий океан, мировое лидерство и будущее образования // Вопросы образования. – 2012. – № 4. – С. 109–186.
22. Дорога к академическому совершенству. Становление исследовательских университетов мирового класса / под ред. Ф.Дж. Альтбаха, Дж. Салми. – М.: Весь Мир, 2012. – С. 352.
23. <http://www.hse.ru/news/edu/131027271.html>
24. Основы формирования программы развития Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – <http://www.msu.ru/projects/pr2020/docs/slovo.pdf>
25. Заседание попечительского совета МГУ 3 декабря 2013 года – <http://www.kremlin.ru/news/19779>
26. Программа развития федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» до 2020 года. – <http://www.msu.ru/projects/pr2020/docs/2012/1617.pdf>
27. Academic Ranking of World Universities 2014 results: Harvard takes first place. – <http://www.timeshighereducation.co.uk/news/academic-ranking-of-world-universities-2014-results-harvard-takes-first-place/2015190.article>
28. МГУ упрочил позиции в топ-200 лучших вузов мира. – <http://news.mail.ru/society/19534972/?frommail=1>
29. Крейг Саймонс. Цена «китайского чуда» // Гео. – 2011. – № 5 (158). – С. 88–97.

30. Гун Шанбао. Судьбу китайской экономики определяет малый и средний бизнес // Китай. – 2012. – № 4 (78). – С. 31.
31. Кравченко Е. Китай больше не хочет быть дешевым рабочим цехом для западных стран // Ведомости. – 2010. – 20 апреля. – № 70 (2588).
32. Салтыков Г.Ф. Традиции в современной китайской деревне (социально-психологические аспекты). // Информационный бюллетень ИДВ РАН. – 1990 – № 11. – С. 90–98.
33. 辜胜阻。王敏。李睿。 就业结构性矛盾下的教育改革与调整。教育研究, 2013 第5期。12–19 (Gu Shenzu, Wang Min, Li Rui. Reform and Adjustment of Education in the Structural Con-
dition and Employment. – Educational Research, 2013. – № 5. – P. 12–19.
34. 2006 年中国教育绿皮书。 – The 2006 Green Paper on Education in China. – Зеленая книга: образование в Китае, 2006. / авторы-составители: Фан Вэньяо, Чжан Ли и др. – Пекин : Образование и наука, 2006. – 234 с.
35. Чжан Шифу, Вэнь Юйминь. Перед новым выбором // Китай. – 2013. – № 4. – С. 32–33.
36. Внешняя торговля Китая // Китай. – 2012. – № 4 (78), апрель. – С. 8–9.